

RU

Репрезентация смеха

в русскоязычной казахстанской литературе конца XX – начала XXI в.
(на материале творчества Умит Тажикеновой)

Бактыбаева А. Т.

Аннотация. Цель статьи, посвященной осмыслению феномена комического в русскоязычной литературе Казахстана конца XX – начала XXI века, – раскрыть и описать своеобразные функции смеха как основы комического на материале конкретной писательской практики. Научная новизна заключается в том, что впервые анализируется репрезентация смеховой стихии в творчестве У. Тажикеновой. В результате исследования нами установлено, что важнейшими функциями смеха являются характерологическая и аксиологическая; ключевыми формами комического в прозе писательницы становятся насмешливый смех, который передает моральное преимущество над осмеиваемым явлением, событием или героем; смех как характеристика героев; смех как способ передачи игры жизненных сил.

EN

Representation of Laugh Phenomenon
in the Russian-Language Literature of Kazakhstan
of the Late XX – Early XXI Century
(by the Material of U. Tazhikenova's Creative Work)

Baktybaeva A. T.

Abstract. The article analyses representation of the comic phenomenon in the Russian-language literature of Kazakhstan of the late XX - early XXI century. The research objective is as follows: to describe functions of laugh as a basis of the comical by the material of a certain author's creative work. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher for the first time reveals representation of laughing elements in U. Tazhikenova's creative work. The conducted research allows concluding that laugh performs two key functions - characterological and axiological; the second conclusion is that U. Tazhikenova's prose is characterized by the following forms of the comical: sarcastic laugh that symbolizes ridiculization of a certain phenomenon, event or personage; laugh as personages' characteristic; laugh as a means to describe the phenomenon of chance.

Введение

Общеизвестно, что своеобразный характер комического в литературном произведении является предметом пристального внимания филологов, психологов, лингвистов и специалистов других областей гуманитарного знания. Как небезосновательно писал М. М. Бахтин, смех совершенно по-особому открывает и представляет мир. Именно благодаря смеху реальность приобретает, условно говоря, «полноценный», законченный образ: «...безоговорочно серьезный образ действительности – однобокий, а значит, неполный, искаженный» [2, с. 249].

Весьма примечательна в этом контексте казахстанская литература конца XX – начала XXI в. Именно в этот период, после распада Союза, период фактического формирования самобытной, независимой от метрополии, современной казахстанской словесности, в нее приходят авторы, которые с иронией, но честно и решительно заявляют о трагических событиях современности. Казахские писатели пытаются осмыслить пути гармонизации разрушенного бытия, «сдвинутой» картины мира, преобразования Хаоса в Космос. В своих произведениях они стремятся как можно правдивее рассказать о несовершенствах жизни, что обуславливает не только комический модус повествования, но и выбор героев, которыми становятся либо социальные отщепенцы, маргиналы (люди без образования, безработные, алкоголики и др.), либо персонажи с ярко выраженными биографическими чертами их создателей, автогерои. Нередко писатели наделяют персонажей

или собственным именем, или именем своего ближайшего родственника, помещают в хорошо известные реалии, передают персонажам элементы собственной судьбы. Весьма показательным в этом контексте творчество Умит Тажикиновой.

Актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью исследования комического в казахстанской русскоязычной прозе конца XX – начала XXI века, важнейшей частью которой является проза У. Тажикиновой. Именно она, по сути, считается «летописцем» 1990-х гг. Писательница эта достаточно плодовита: в 2001 г. вышел ее первый сборник «Сакрализация памяти», через два года в печати появляется «Восхождение памяти», а спустя шесть лет издается роман «Лоза тамариска». Более того, именно комическое способно охарактеризовать общественные взаимоотношения героев, раскрыть своеобразие их человеческой природы сквозь призму художественно-творческого освоения окружающей действительности. В данном случае персонажи ее рассказов и романа становятся не столько наблюдателями происходящего, сколько неотъемлемой частью «нового мира», его быта и нравов. Комическое в текстах У. Тажикиновой обусловлено не только ее субъективно-авторским мнением, но и всей концепцией образов, в основе которых лежат эстетические и духовно-нравственные идеалы, сложившиеся тысячелетиями в степной культуре казахов.

Материал данной статьи определил решение следующих задач: проанализировать существующие теории и классификации, объясняющие природу смеха в художественных текстах; рассмотреть его функции на примере рассказов и романа У. Тажикиновой; определить национальное своеобразие смеха и его место в произведениях казахстанской писательницы конца XX – начала XXI века.

Объект исследования – роман и цикл рассказов писательницы. Предмет исследования – специфика репрезентации смехового начала в прозе У. Тажикиновой.

Мы использовали сравнительно-исторический, типологический, социокультурный методы, а также метод целостного анализа художественного произведения.

Практическая значимость данной статьи заключается в том, что полученные нами выводы и результаты при использовании литературоведческого анализа могут быть частью статьи при написании учебников и учебных пособий по истории русскоязычной литературы Казахстана, а также учтены при дальнейшем исследовании видов и форм комического.

Теоретической базой исследования стали принципы сравнительно-исторического литературоведения, широко представленные в трудах А. Н. Веселовского [7], М. М. Бахтина [3], В. М. Жирмунского [15], А. В. Михайлова [20], Б. В. Томашевского [29] и других.

Теория комического была предметом анализа еще во времена Античности и описана в трудах Платона [22], Аристотеля [1], Цицерона [33]. Глубокие исследования смеха и комического начинаются только с XVIII века. В этом нас убеждают труды И. Канта [16], Т. Гоббса [12], А. Шопенгауэра [35] и Г. Ф. В. Гегеля [10]. В XX веке проблемами комического с наибольшей интенсивностью стали заниматься А. Бергсон [4], М. М. Бахтин [3], В. Я. Пропп [23], Ю. Борев [6], Б. Дземидок [14], А. Вулис [8], Н. Гартман [9], Д. С. Лихачев и А. М. Панченко [18]. О преломлении комического сквозь призму постмодерна представлено в исследованиях С. Савицкого [26]. По мнению Е. А. Смыковой, во времена Советского Союза для многих представителей «идеологического фронта» комическое было своеобразным и сильным инструментом воздействия на общественное сознание. В противовес им люди неофициально дорисовывали «правительственный» комизм, трансформируя и «прилаживая» его к окружающей их действительности: общество высмеивало юмор, навязываемый им «сверху» [27]. Резюмируя различные концепции комического, мы считаем, что комическое имеет свою собственную эстетическую область, с помощью которой происходит художественно-творческое постижение окружающего мира, которое находит свое выражение в таких формах, как ирония, юмор, сатира, сарказм и т.д.

В трудах казахстанских ученых предметом исследования были именно многие аспекты творчества У. Тажикиновой. Так, например, Н. Узакбаева, исследуя короткий рассказ, притчу, миниатюру, роман, путевые заметки, старается определить авторскую позицию У. Тажикиновой и образ автора в ее прозе [32]. Д. Сабирова, анализируя роман «Ось существования», подчеркивает, что центральное место в этом произведении занимает мир казахской семьи [25]. Для писательницы действительно семья – важная составляющая бытия, не случайно в романе описывается история одной семьи, проходящая через драматические события и трагические испытания XX века. По мнению Л. Шашковой, творчество У. Тажикиновой – явление нового времени. В ее произведениях нашли жизненные воплощения яркие и противоречивые события смены эпох. В ее коротких словесных зарисовках и путевых записках наглядно представлена первородная, свойственная женщинам не только Востока, но и Запада способность вести разговор с миром, уходящий своими корнями в предысторию человеческой цивилизации [34].

Функции смеха в произведениях У. Тажикиновой. Характерологическая функция

Как справедливо указывает П. Н. Метин, юмор – это неотъемлемая часть человеческой природы, которая демонстрирует свое миропонимание посредством смеха [19]. Смех появляется всегда неожиданно, приоткрывая своему собеседнику «занавес» маскируемой пустоты, подчеркивая природу внезапного открытия. Смех может быть разнообразным, потому что его направленность определяется содержанием произведения. И все же при всей его многоликости наиболее частотным является насмешливый смех.

Подобный вид смеха стремится передать морально-этическое преимущество над предметом смеха. Ирония же стоит в «одном ряду» с язвительной насмешкой и юмористическим пересмеиванием. Но в отличие от «своих

соседей» она обнаруживает свое истинное содержание при помощи иносказания. Это означает, что ирония фиксирует увиденное качество или черту характера как некую необходимость, но представляет ее окружающим при помощи обыгрывания значения слов-перевертышей, маски-образа, описывания обстановки и т.п. С одной стороны, ирония подразумевает использование многозначности слова, поэтому «хитрая» разумность наравне со здравым смыслом иногда остаются вне поля зрения читателя. С другой – художественный символ, содержание, скрытое в структуре текста, – все это предполагает от читателя определенного интеллекта, художественной фантазии и умения понимать озорство мысли и образа. Именно такое свойство иронии позволяет ей быть и художественным тропом, и стилистическим приемом в создании образа. А может быть, и целостным принципом, лежащим в основе построения всего художественного произведения [Там же, с. 11].

В произведениях У. Тажикиновой смех выполняет характерологическую и аксиологическую функции. Смех как характеристика персонажа используется при описании героев, например: «Х-хе-хх-е, – не удержалась она, хмыкнув вслух. Какая-то девица, проходившая мимо, вопросительно поглядела на нее» [28, с. 55]. При этом причинами смеха могут быть такие явления окружающей действительности, которые не имеют ничего общего с комическим. «Смех – это еще и способ передачи физиологического состояния человека, когда он испытывает чувство радости жизни, у него удовлетворительное самочувствие и т.п.» [14, с. 7]. В данном случае, по нашему мнению, «хе-хе-хе» означает подлый смех. По мнению Тэффи, представительницы сатирико-юмористической традиции русской прозы, этот вид смеха не имеет веселья. Причиной его возникновения является чувство страха или подлости. По убеждению писательницы, такой смех представлен в единственном виде, потому что только он не имеет цели. Преимущественно такой смех присущ женщинам преклонного возраста, и он имеет своеобразное значение. Как правило, его используют для того, чтобы продемонстрировать не только снисхождение к окружающим, но и подчеркнуть собственное достоинство [31, с. 24-28]. В словарях [5; 13] указывается, что цель такого смеха – психологическая дистанция между тем, кто смеется, и тем, кто с ним рядом. Расстояние подчеркивает иерархичность: смеющийся как бы возвышает себя над теми, кто в данный момент его окружает. Такой смех направлен на уничтожение человеческих связей, потому что сужает границы живого контакта между людьми, лишает их перспективы взаимопонимания. Назначение подобного смеха – духовное или психологическое разъединение людей. Сам же смеющийся укрепляется в чувстве собственной исключительности. В подобном контексте смех приобретает оттенок жестокости, что характеризует его как мелочную и недостойную издевку.

«Старуха замолчала, опустила глаза, пальцы перебирали платок, теребя кончики. Вдруг она неожиданно засмеялась. Тихий дробный смешок, похожий на кряхтение, так же неожиданно прекратился. Все недоуменно взглянули на старуху.

– Ты чего? – спросила дочь.

Засмеявшись снова, шамкая провалившейся дырой рта, она ответила:

– А чего не смеяться, смех это хорошо. Пусть Аллах не лишает смеха. Гости переглянулись и закивали головами» [28, с. 44].

В процитированном фрагменте смех используется автором для того, чтобы подчеркнуть неоспоримую органическую естественность данной эмоции, несовместимую с какой-либо преднамеренностью и рассудочностью.

Неподдельность смеха и его «безусильная» жизнерадостность осознаются автором как норма. Смех – это своеобразное и вполне естественное состояние человека, которое открыто транслирует радость жизни, здоровье, самовыражение, свою благоустроенность в мире [24].

Смех выражает игру жизненных сил, хоть старуха и стара и смеется, как будто кряхтит, но беззлобно. Именно подобный, добрый, спокойный смех, смех, казалось бы, без особого повода, не высмеивающий и не содержащий саркастической ноты, транслирует радость бытия: «И старые одинокие люди, которых жизнь закрутила и отбросила далеко от живого счастья, вспоминают об этом смехе в длинные зимние вечера, и не слышат, как скребется за шкафом мышь, и не видят, что гаснет тусклая лампа, и смотрят, улыбаясь, в темноту надвигающейся ночи» [31, с. 24]. Смех в данном случае сравнивается с кряхтением – неречевая реакция, то есть опосредованный признак, указанный через сравнение. Глагол «кряхтеть» описывает передачу приглушенными отрывистыми звуками состояния человека при определенном физическом усилии, стрессе, боли и т.п. [5]. Но подобное сравнение не случайно, потому что «кряхтение» стоит в одном ряду со словом «хихикать», которое тоже выражает смех, как природное и естественное звукоподражание. В исследовательской литературе его называют «звуковой жест» [11].

Аксиологическая функция смеха

Другая функция смеха, как мы уже отметили, – аксиологическая. Смех всегда содержит или положительную, или отрицательную оценку с учетом морально-нравственных, этических, социальных, идеологических ценностей.

Согласно концепции М. В. Мусийчук, подобные функции оценки проявляются на индивидуальном, межличностном и социальном уровнях [21, с. 91]. Например: «А вот еще одно интересное лицо: тонкий овал, раскосые глаза, матовая кожа. <...> А взгляд, покорно-нежный, кроткий...

Одеть бы ее в платье тонкого шелка, поясок стянуть бы на талии точеной фигурки...

Но вот она заговорила.

Нет, голос – неважный, со скрипом, что ли... Вот засмеялась. Все испортила...

Красота будто пропала...» [28, с. 48].

Здесь, очевидно, в поле оценочной деятельности автора попадает милая на вид девушка. Один из основных критериев, которым пользуется писательница в оценке объекта своего наблюдения, – смех. Именно смех дает отрицательную эстетическую оценку этой девушке: «Вот засмеялась. Все испортила». В процитированном нами пассаже смех, по сути, становится важнейшим средством создания контраста, причем становится очевидно, что подобный контраст базируется на эффекте неожиданности. Этот эффект, в свою очередь, построен на сопоставлении, резко очерченном, за которым и следует резкая смена чувств и настроений. А. Вулис отмечает, что это специфическая модель двойственности. Изображаемые или явления действительности, или герои рассказов словно раскрывают в себе нечто иное, похожее на первое, но одновременно с этим не имеющее с ним значительного сходства [8, с. 10].

Приведем еще один пример: «Однажды взрослые весело хохотали, дети тоже, не понимая, что случилось. Много лет спустя, вспомнив, Ажар посмеивалась: настолько случай был забавным. А случилось вот что: вечером отец хотел выйти во двор, приоткрыл, было, дверь, но быстро захлопнул. Он был напуган.

- Что случилось? – спросила бабушка.
- Там... там... шайтан, – еле выговорил он.

Мама спокойно:

- Где?

Она вышла во двор, вглядываясь в темноту. На фоне полной луны над плетнем торчали, подрагивая, большие уши.

- Да это же соседский ослик, – мягко улыбаясь, сказала мама» [28, с. 77].

В процитированном фрагменте описываемый случай максимально смягчен безобидным юмором: как известно, юмор – легкое и доброжелательное высмеивание недостатков человека, и в данном примере юмор действительно доброжелательно высмеивает беспричинный страх немолодого человека. Автор использует описание происшедшего для того, чтобы создать целостную картину жизни казахского аула в 60-70-х годах XX века. Очевидно, что юмор – светлая эмоция, связанная со стремлением писателя увидеть личность в человеке [17, с. 440]. Такое понимание юмора и владение им – характерное качество персонажей Тажикеновой. Оно обнаруживается в минуты их душевной близости. Заметим, что некоторые исследователи [13, с. 68-70] предлагали выделить три разновидности юмора – юмор настроения, юмор изображения, юмор характера. Следуя этой классификации, по нашему мнению, в процитированном фрагменте представлен юмор настроения.

Юмор характера показан в следующем фрагменте: «Однажды после обильного угощения он решил проследить, почему Акылбай не пьянеет. Пошел за ним и застал того за не очень приятной процедурой: тот, вложив два пальца в рот, изрыгал съеденное и выпитое.

- Ты почему выкидываешь мой коньяк? – нарочито сердито спросил Есеналы.
- А я коньяк одного хозяина не смешиваю с коньяком другого, – нашелся Акылбай.

А дело было в том, что до этого они были в гостях у родственников Есеналы и тоже изрядно выпили» [28, с. 98].

Очевидно, что юмор помогает преодолеть объективные противоречия действительности и переводит их в комический план. Значит, комические ситуации и персонажи становятся следствием юмористического взгляда на мир, порождением особого мировосприятия.

Другой особенностью произведений Умит Тажикеновой стала насыщенность юмористическими высказываниями, комментариями, принадлежащими как героям, так и самому повествователю. Например: «Новый начальник района был всегда холоден, никогда первый не здоровался. Лицо надменное, брови грозно сведены в ниточку. В разговоре сплошное личное местоимение...» [Там же, с. 17]. Или: «Этот поумнее: все время молчит. А может, пока молчит. Пока – второй» [Там же, с. 22].

Позиция писательницы вполне доброжелательна. При помощи героев и их реплик показан ее органический взгляд на мир. Тажикенова повествует о недостатках человека, именно они и стимулируют появление смеховой стихии, становятся причиной комического. При этом рассказчик продолжает оставаться не столько отстраненным наблюдателем, который не участвует в сюжетном развертывании, а лишь фиксирует происходящее. Он мыслит себя частью общечеловеческого бытия, того социума, который изображает, причем осмеянию своему он подвергает не только персонажей, реальность как таковую, но и себя самого, ибо для рассказчика совершенно очевидно, что он от героев, «маленьких» людей, с множеством слабостей и недостатков, которые могут вызвать смех, ничем не отличается, что вечны безобидные несовершенства человека, способность совершать необдуманные, глупые поступки.

«В купе зашла сторбившаяся старушка-казашка. В одной руке большая китайская полосатая сумка, в другой – верблюжьи носки, наколенники. Бабка с юмором. Что-то приговаривает, покрикивает. Ажар дала ей денег, чтобы как-нибудь потом прочитала молитву. Бабка тут же присела и прочитала, попросив назвать имена усопших. Отработала...» [Там же, с. 101]. Комический эффект создается из сюжетной неожиданности: героиня делает несущественный «жест» («чтобы как-нибудь потом прочитала молитву»), но результат молниеносен («тут же присела и прочитала... Отработала»).

По нашему мнению, в этом случае представлена стирания, в которой сложно понять: иронизирует автор или говорит всерьез. Читатель до конца не понимает, что перед ним, шутка с двойным смыслом – чтение молитвы там, где придется, что неравноценно самой молитве по умершим. Поэтому проводить такую параллель без насмешки нельзя. Или же искреннее признание того, что старушке в силу ее возраста разрешается многое. И здесь воплощена национальная черта казахов – к людям преклонного возраста относиться с уважением. Чтение молитвы по усопшим – один из необходимых элементов такого почитания старших. По этому

поводу существует пословица: «Өлі риза болмай, тірі байымайды» [30]. / «Если не уважить умершего, то не следует ждать благополучия живым» (перевод автора статьи. – А. Б.). Следовательно, в процитированном фрагменте у Тажикиновой постирония позволяет, с одной стороны, придать описываемому событию дополнительный иронический смысл, с другой – заставляет читателя задуматься о весьма серьезных вещах: «В отличие от свадеб богатых, свадьбы простых веселятся вовсю, принимают все услуги, предлагаемые здесь: катаются на аттракционах, на конях, на осликах, хохочут в комнате смеха, отстреливаются в тире.

Веселая и простая была свадьба у одного певца. Они ели гамбургеры, запивали колой, танцевали под свои мелодии, веселились от души. Молодые были красивые, искренние в своей любви.

Однажды была свадьба полуеврейки – полугречанки с армянином. Как они плясали! Аккордеонист, конкурент семейного ансамбля, как только узнал кто такие, так играл и играл. То 7.40, то лезгинку, то армянские мелодии. Чаевые так и летели, гости не жалели подметок» [28, с. 155].

Автор подчеркивает, что без доброго юмора нельзя прожить ни героям – жителям столичного мегаполиса, ни односельчанам – представителям одного рода и т.п. Причиной появления комического может быть и любая черта характера, и манера поведения, и даже часть тела человека. По мнению В. Я. Проппа, человек, его поступки, черты характера всегда могут быть причиной, вызывающей смех. Исключением являются лишь страдания и все, что с ними связано [23, с. 26].

Заключение

Итак, в результате исследования мы прошли к выводам о том, что ключевые формы комического позволяют воплотить писательскую позицию в прозе У. Тажикиновой. Современный казахстанский русскоязычный прозаик продолжает на протяжении всего повествования оставаться вдумчивым, добродушным наблюдателем, с юмором и смехом, с долей снисхождения изображает своих незадачливых героев, но при этом не выступает в роли судьи или обличителя. Его герои – это грешные смешные: и бабушка в вагоне, и простоватые жители аулов, и новый начальник района, и многие другие. Они совершают самые разные поступки, допускают ошибки и тем самым способствуют появлению и развитию аксиологической функции смеха. Юмор Тажикиновой светлый, обновляющий, но не разрушительный. Смех позитивен, воплощен в ярко выраженной смеховой стихии (юмористическое описание поступков героев при поспешном чтении молитвы, создание смеховых ситуаций при описании казахского гостеприимства и т.д.) и передает читателю не только физиологическое состояние человека, когда тот чувствует радость жизни от простого удовлетворительного самочувствия, но и национальное своеобразие смеха. В этом заключается его характерологическая функция. Юмор для писательницы становится важнейшим средством не только демонстрации собственного авторского отношения к изображаемому или же отображения реальности как таковой, но и к человеку вообще. Перспективы исследования видятся нам в осмыслении других видов комического в русскоязычной прозе Казахстана в целом и литературоведческом анализе смеховой стихии в творчестве У. Тажикиновой в частности.

Список источников

1. Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. 224 с.
2. Бахтин М. М. Смех и общество // Вулис А. Серьезность несерьезных ситуаций. Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1984. С. 249-260.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Изд-е 2-е. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
4. Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. 127 с.
5. Большой академический словарь русского языка: в 17-ти т. / под ред. К. С. Горбачевича. М. - СПб.: Наука, 2007. Т. 8. 745 с.
6. Боров Ю. Комическое, или О том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. М.: Искусство, 1970. 269 с.
7. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 648 с.
8. Вулис А. В лаборатории смеха. М.: Художественная литература, 1966. 143 с.
9. Гартман Н. Эстетика. К.: Ника-Центр, 2004. 635 с.
10. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3-х т. М.: Мысль, 1977. Т. 3. Философия духа. 471 с.
11. Глаголы звуков животных: типология метафор / ред. Т. И. Резникова, А. С. Выренкова, Б. В. Орехов, Д. А. Рыжова; сост. Е. В. Рахилина. М.: Языки славянской культуры, 2015. 400 с.
12. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 479 с.
13. Горнфельд А. Юмор // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86-ти т. СПб.: Брокгауз - Эфрон, 1899. Т. 53 (27). С. 68-71.
14. Дземидок Б. О комическом. М.: Прогресс, 1974. 223 с.
15. Жирмунский В. М. Введение в литературоведение: курс лекций / под ред. З. И. Плавскиной, В. В. Жирмунской. СПб.: Изд-во С.-Петербург. университета, 1996. 440 с.
16. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.

17. Коровин В. И. История русской литературы XX - начала XXI века: в 3-х ч. М.: Владос, 2014. Ч. II. 1925-1990 годы. 512 с.
18. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. М.: Наука, 1984. 294 с.
19. Метин П. Н. Историко-жанровое развитие комического в чувашской литературе: автореф. дисс. ... д. филол. н. Чебоксары, 2001. 40 с.
20. Михайлов А. В. Культура комического в столкновении эпох // Михайлов А. В. Обратный перевод / сост., подгот. текста и коммент. Д. Р. Петрова, С. Ю. Хурумова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 91-144.
21. Мусийчук М. В. Аксиологическая функция юмора // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 91-94.
22. Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 860 с.
23. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Изд-е 2-е. СПб.: Алетейя, 1997. 283 с.
24. Ромах О. В., Редкозубова О. С. Смех и смеховая культура [Электронный ресурс]. URL: <http://analculturolog.ru/journal/archive/item/2104-смех-и-смеховая-культура.html> (дата обращения: 03.12.2020).
25. Сабирова Д. Мир семьи в русскоязычной литературе Казахстана // Простор. 2018. № 7. С. 99-129.
26. Савицкий С. Андеграунд. Истории и мифы неофициальной ленинградской литературы. М.: НЛО, 2002. 224 с.
27. Смыкова Е. А. Комическое в массовой культуре Советской России: автореф. дисс.. к. филол. н. Ростов-на-Дону, 2012. 26 с.
28. Тажикенова У. Ось существования. Астана: Фолиант, 2009. 412 с.
29. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие / вступ. статья Н. Д. Тамарченко; комм. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тамарченко. М.: Аспект Пресс, 1996. 334 с.
30. Тохтарова Ж. Уважение и почтение [Электронный ресурс]. URL: [https://kazpravda.kz/articles/view/uvazhenie-i-rochlenie#:~:text=\(дата обращения: 23.11.2020\)](https://kazpravda.kz/articles/view/uvazhenie-i-rochlenie#:~:text=(дата обращения: 23.11.2020)).
31. Тэффи. Собрание сочинений: в 3-х т. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. Т. 1. 457 с.
32. Узакбаева Н. Авторская позиция и образ автора в прозе Умит Тажикеновой // Вестник Казахского Национального педагогического университета им. Абая. Серия «Филология». 2014. № 3 (49). С. 159-161.
33. Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1972. 472 с.
34. Шашкова Л. Литература эпохи перемен // Простор. 2010. № 12. С. 174-178.
35. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: ТЕРРА - Книжный клуб; Республика, 2001. Т. 2. 560 с.

Информация об авторах | Author information

RU**Бактыбаева Аннель Тлеумагамбетовна**¹, к. филол. н., доц.¹ Казахский Национальный медицинский университет имени С. Асфендиярова, г. Алматы;
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева,
г. Саранск**EN****Baktybaeva Annel' Tleumagambetovna**¹, PhD¹ Asfendiyarov Kazakh National Medical University, Almaty;
National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk¹ smile_1713@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.12.2020; опубликовано (published): 26.02.2021.

Ключевые слова (keywords): У. Тажикенова; смех; комическое; функции; постирония; U. Tazhikenova; laugh; the comical; functions; post-irony.